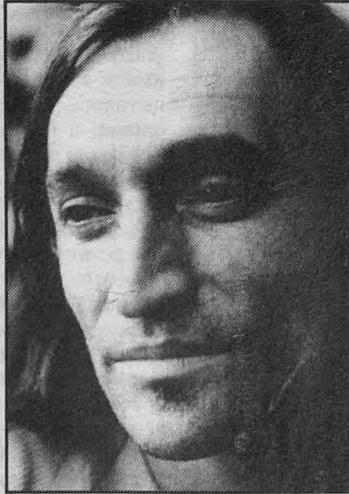

КЛАССИКА БЫВШИХ ДВОРНИКОВ

Вер. клуб. 2002 - 22 авг. - с. 27

С тех пор, как рок-поэт, музыкант и художник Артур Глечан организовал неформальную группу художников «Южный полюс», он собирает авангард «второй и третьей волны» – коллекцию живописи и графики 70-90-х годов. В его собрании – художники, связанные с рок-культурой, со всей территории Союза и почти всех известных направлений – от абстракции до постимпрессионизма. Работы разного уровня и качества: есть и «арбатские» картинки, и сумасшедшие откровения. Это до сих пор неопределенный и неосмысленный пласт до- и постперестроечного искусства. Сейчас руки искусствоведов доходят только до авангардистов хрущевской оттепели. Что же до «горбачевской» – это дело будущего, в котором собрание Артура может стать золотым фондом.

– Каким образом складывалась ваша коллекция?

– В самом начале 80-х повсюду проходили квартирные выставки. И мы, в то время студенческая молодежь, активно влились в это движение. В этих попытках себя выразить – в поэзии, живописи – собралась компания молодых людей (в основном не москвичей) с общими идеями и ценностями.

– Что это были за идеи и ценности?

– Думаю, ценности андеграундные, контркультурные. Шел поиск какой-то чистой территории, где не будет совковой мясорубки. Мы уезжали на юг, организовывали летние палаточные города, снимали дворы с виноградными беседками. В общем, создавали свое пространство.

– Можно ли выделить какие-то особые черты Москвы 80-90-х. Допустим, как уживались две системы: хиппи и «совок»?

– Я бы не сказал, что хиппи противостояли советской системе. Русские хиппи – это вообще отдельная песня. Это просто собирательный образ человека, который ищет независимости. Мы же сильно отличались от классических хиппи: мы работали, постоянно были в студиях и организовывали студии. Мы не бродили по улицам, мы делали искусство.

– Какое искусство?

– Под влиянием романтизма, эзотерики, философии, теологии. Можно его определить как искусство «психоделического романтизма». По стилю картины были совершенно грамотные, но одновременно по своей злободневности выбивались из всей тогдашней художественной системы. Внутри не было ничего приторного: была энергия поиска, звездного одиночества, радости или медитации.

– Значит, в основе той культуры стоял особый романтический герой: бледный, сердитый юноша во всем черном, с мерцающим взглядом и томиком Ницше? Его стихия – экстремальный опыт? То есть тот же, что был актуальным и для XIX века?

– Действительно, в Германии и во Франции од-

нажды уже появлялись люди в черных плащах, с короткими мечами или кинжалами на поясе, которые отвернулись от опыта своих отцов, считая его абсурдом. Они это активно подчеркивали и социально демонстрировали. У нас были другие наклонности. Это был романтизм духовного поиска, абсолютно асоциальный. Скорее философский метод отстранения от действительности. Он имел свои литературные параллели: Кортасар, Борхес, обериуты, первые переводы Керуака, возвращение к Достоевскому и Гоголю... Мы не чувствовали себя ни обделенными, ни отверженными. Мы отгородились буквально от всего: и от криминала, и от политики – короче, от всего социального.

– Какова была дальнейшая судьба этого направления?

– Возникли постоянные мастерские. У бывших дворников появились огромные площади в центре города. До сих пор мы общаемся как родственники. Как раз и коллекция возникла потому, что мы начали собирать в одну кучу все ранние работы. Мне было сделать это легче, я ездил по стране с концертами.

– Как бы вы определили творческое кредо главных персонажей вашей коллекции?

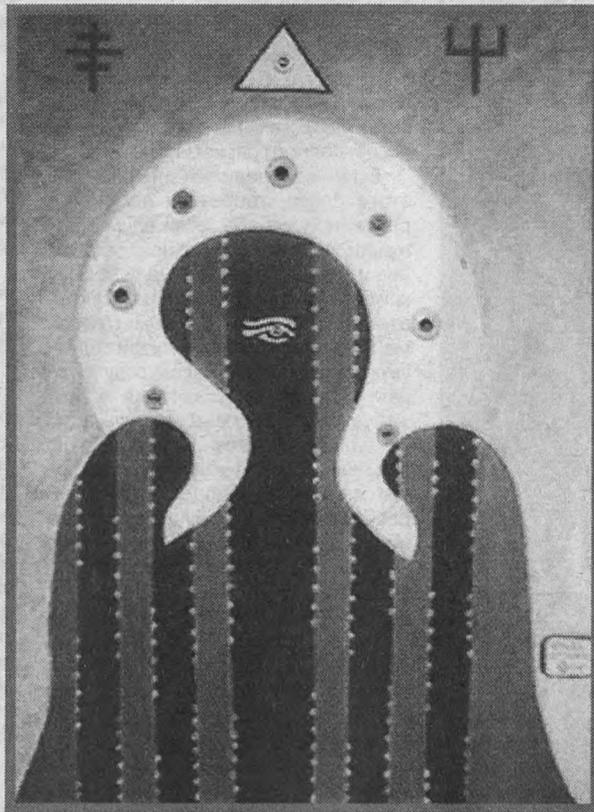
– Я собирал круг живых культурегеров, людей-лидеров, мыслителей. Думаю, за каждым из них могла бы стоять группа учеников. И если они не сложились как известные официозы, то только потому, что их совершенно не интересовала карьера. В своих работах они представляют какие-то выпадения в другие пространства и другие вселенные. Я собирал даже маленькие квадратики, непонятно чем написанные, пальцем навозюканные, но в них были эти сумасшедшие выстрелы. От каждой из этих картинок можно было бы оттолкнуться и создать целую серию.

– Как вы видите вашу коллекцию в контексте современной культуры?

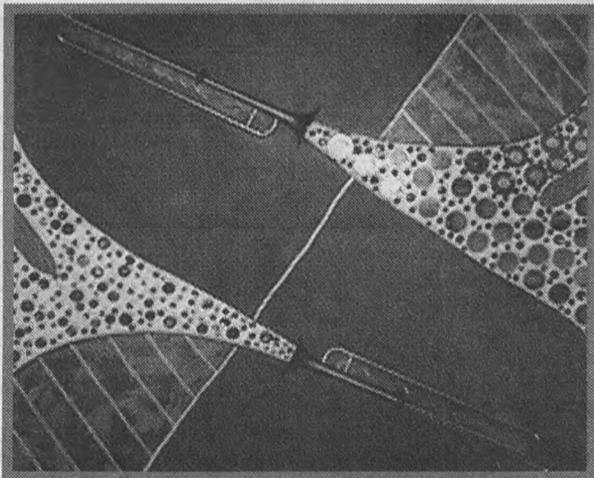
– По-моему, ответ прост – контркультура. Хотя это новомодное слово не слишком правильное, но иначе не назовешь. Рождение новых ценностных ориентиров. Все, что сейчас называют модернизмом, – просто проявление той же контркультуры. А то, что считается официозом, это уже по большому счету измененная и устоявшаяся традиция, созданная не без участия модернистов. Не обязательно какие-то помпезные апартаменты в классическом стиле. Официозом может быть и авангард – глобальные стеклянные здания, которые в сто раз дороже и богаче. В общем, еще вчера на авангард плевали, а сегодня вовсю пользуются его плодами.

Беседовала

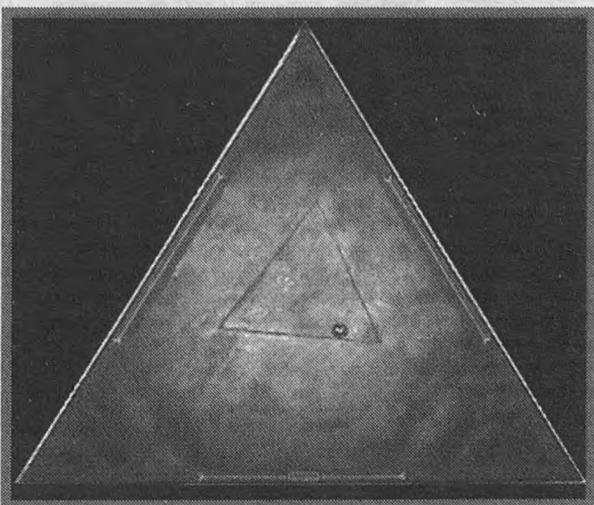
Галина ФАЙНГОЛЬД

Ангел с крестами.

Белая полоса.

Глаз Ангела.